РАЗДЕЛ III
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е. Н. Коледич (Серов)

Тихон Задонский и Иосиф Галл: к вопросу о прототипе «Сокровища духовного»

«Сокровище духовное, от мира собираемое» видного церковного писателя Тихона Задонского (1724–1783), относится к сборникам нравоучительного содержания, предназначенным для христианского чтения. Оно было создано в конце 70-х гг. XVIII в. и впервые напечатано уже после смерти святителя, в 1784 г.; состоит из 157 богословских глав.

Впервые о «сходстве содержания» «Сокровища духовного» и сочинения англиканского епископа Иосифа Галла (Джозефа Холла, 1574–1656) «Внезапные размышления, произведенные вдруг при воззрении на какую-нибудь вещь» говорит митрополит Евгений (Болховитинов) в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви» (первое издание относится к 1796 г.): «Книга сия писана по примеру известных размышлений Иосифа Галла, Епископа Оксфортского, при внезапном воззрении на какую-нибудь вещь» [2, с. 312]. Книга Галла была написана на латинском языке, в русском переводе впервые напечатана в Москве в 1786 г. Она небольшая по объему, состоит из 131 краткой главы.

Общее между двумя сочинениями находят в сходстве метода изложения: оба писателя учат, «како отъ всякаго случая и отъ видимаго создания къ невидимымъ можно разсуждение обращать и … тако духовно пользоваться» [4, с. II]. У Тихона Задонского и Иосифа Галла он реализуется через литературный прием сравнения «мирского и духовного».

Однако анализ материала сравнений свидетельствует, что Галл во «Внезапных размышлениях» скорее делится с читателем собственными духовными размышлениями, впечатлениями при взгляде

© Коледич Е. Н., 2017

на окружающий мир, а Тихон Задонский, прежде всего, предстает как православный пастырь.

Чтобы продемонстрировать типичное построение глав книги Галла, приведем полностью текст размышления 33 «При слушании пения птичекъ въ весеннее утро»: «Коль охотно воспеваютъ сии маленькия птички! Оне теперь напоены какъ бы естественною некоторою радостию, влиянною въ нихъ вместе съ возвращениемъ солнца и съ наступлениемъ животворной весны. Жизнь ихъ какъ бы отнималася съ удалениемъ, и возвратилася съ приближениемъ лучей благотворительнаго светила. – Истиннымъ правды Солнцемъ, Отцемъ световъ, не иначе оживляется страждущая верная душа. Ежели сей единый Отецъ жизни сокрываетъ отъ нее светлое лице свое, то она несказанно смущается, и бываетъ яко цветъ, среди хладной осени увядающий. Но когда Онъ паки обращаетъ на нее лучи златаго своего образа, то съ возвращениемъ сего состояния ея возвращаются къ ней новыя силы и паки полная радость; и нетъ сладчае того пения, каковымъ прославляетъ душа таковое свое возрождение! – О Ты, Боже всякаго утешения! низлей въ сердце мое сладчайшее оное чувствие, раждающееся отъ присутствия Твоего, да уста мои купно съ душею воспоютъ достойную Тебе хвалу» [1, с. 57–58].

Таким образом, сопоставление (противопоставление) «мирского и духовного», представленное преимущественно в форме распространенного сравнения, составляет основное содержание глав «Внезапных размышлений»; завершают главы восклицания автора, его молитвенные воззвания или краткие умозаключения, отражающие его духовный опыт.

Композиционная роль сравнений в сочинении Тихона Задонского иная. Сравнения «мирского и духовного» в «Сокровище духовном» (также чаще всего распространенные), начинающие главу, только вводят тему для дальнейших подробных разъяснений и наставлений православного пастыря. Например, глава 153 «Чрево» начинается сопоставлением «чрево – роскошь»: «Видимъ, что чрево ненасытно есть, всегда требуетъ снеди и пищи; безъ того бо быть не можетъ. Сегодня насытится; на другой день, и третий, и более вновь требуетъ пищи. Тако имеется роскошь. Роскошь подобна чреву, все пожирающему. И роскошь бо есть прихотлива, и ничимъ и никогда удовольствоваться не можетъ» [4, с. 369]. Затем писатель подробно раскрывает, что «делает роскошь», как она пагубна, вредна.

Сравнение, начинающее богословскую главу, может просто вводить тему для рассуждения и в дальнейшем развитии содержания главы не участвовать, но может распадаться на сопоставление «мирского и духовного» по нескольким признакам. Около трети глав «Сокровища

духовного» демонстрирует подобное «дробление». Например, в главе 4-й «Господинъ и рабъ»: «Рабъ называется именемъ того господина, котораго есть рабъ: тако христианинъ называется христианиномъ, понеже есть рабъ Христовъ. Рабъ того ради называется рабомъ некоего господина, яко работаетъ ему, волю его творитъ и угождаетъ ему: тако христианинъ того ради называется рабомъ Христовымъ, яко работаетъ Ему, волю Его творитъ и угождаетъ Ему. …Рабъ предъ господиномъ со страхомъ и благоговениемъ ходитъ, дабы не прогневать его: тако христианамъ предъ Христомъ Господемъ своимъ ходить должно со страхомъ и благоговениемъ, дабы Его не прогневать…» [4, с. 10–11] и т. д.

В тридцати двух главах сочинения Тихона Задонского сопоставление «мирского и духовного» по выделенным автором признакам даже оформлено в особые подглавы для более пространного рассуждения, называемые «О томжде». Например, глава 28-я «Обедъ или вечеря» имеет девять таких дополнительных подглав.

Сопоставляя таким образом «мирское и духовное», писатель стремится наиболее полно, глубоко раскрыть перед читателем богословскую мысль (нравственное наставление).

В сравнениях оба писателя используют реалии материального мира, которые можно отнести и к сфере природы, и к жизнедеятельности человека. Галл употребляет их примерно в равных соотношениях. У Тихона Задонского группа сравнений, отражающих быт и человеческие взаимоотношения, является безусловно преобладающей. Писатель использует в сравнении преимущественно материал, близкий к повседневной жизни читателя, чтобы ему было легче понять и усвоить богословские истины. Например: «Нетъ никакой пользы въ сосуде, который вне является чистъ, но внутрь всякаго смрада и нечистоты исполненъ: тако нетъ никакой пользы и человеку, который вне является добръ, но внутрь золъ; вне является смиренъ и тихъ, но внутрь гордости, зависти и злобы исполненъ» [4, с. 131].

Следует отметить теоцентрический характер используемых в «Сокровище духовном» сравнений. Более чем в трети из них центральный образ соотносится с Богом или Христом. Помимо как царю и господину, в соответствии с библейскими текстами Бог уподобляется свету, садовнику, срубающему неплодное дерево; видящему при слепом, высокому лицу, усыновившему низкого человека; благодетелю и др.; Христос – солнцу и свету, виноградной лозе, кокошу, который собирает птенцов под крылья свои; осужденному на смертную казнь, главе (тело же Церковь), жениху и мужу (невеста и жена – христианская душа), вождю, учителю, освободителю пленников и др.

Тихона Задонского отличает «сдержанность» в изображении земных реалий в сравнении. Он не услаждает (и не устрашает) читателя описанием, а наставляет, главное для писателя – спасение человеческой души. Иосиф Галл может «чувственно», пространно рисовать в сравнении картину как «мирского», так и «небесного». Например, у Тихона Задонского: «Видимъ, что когда человекъ на судъ позывается, о томъ и думаетъ и все тщание свое полагаетъ, и съ другами своими советуетъ, дабы на суде не осужденнымъ быть и не посрамиться. Христианине! ты позовешися на судъ не человеческий, но Божий…: кольми убо паче должно тебе готовитися и все тщание полагать, чтобы на суде ономъ не посрамиться и не осужденным быть» [4, с. 81]. Сходное сравнение у Галла: «Съ какимъ трепетомъ стоитъ предъ судилищемъ виновный сей! Дрожитъ у него рука, когда для подтверждения подъемлется; трясутся отъ страха уста, когда изъявляетъ безмолвие свое; и еще прежде определения судии осуждаетъ его бледное и омертвевшее лице; прежде руки палача страхъ наноситъ ему смерть. … – О Боже! съ какимъ ужасомъ предстанетъ предъ Твое страшное судилище отверженная грешная душа въ день великаго онаго собора и всеобщаго суда! Устрашитъ ее присутствие безконечнаго Величества; жестокая и вопиющая совесть ее обвинитъ; легионы безобразныхъ и ужасныхъ демоновъ стоятъ въ готовности для похищения ея на казнь; ужаснейшая бездна, исполненная неугасимаго пламени, ожидаетъ ее въ себя низверженную стремглавъ; наконецъ въ неменьшее приведетъ ее смущение и слава Судии, какъ и жестокость мучителей, где определение неизбежно, наказание вечно» [1, с. 132–133].

Тихон Задонский с осторожностью подходит к выбору реалий земного мира, признаков для сравнений «мирского и духовного». Как и сам святитель пишет в одном из своих трудов: «Чтобы от видимых вещей к невидимым рассуждение обращать и так духовную пользу получать, требуется размышление верою, которая основанием своим имеет Божие слово, управляемое и утверждаемое, без которой удобно погрешить можно» [5, с. 255]. (По-видимому, в этом причина того, что преобладающий массив сравнений «Сокровища духовного» восходит к Священному Писанию.)

Такая позиция писателя являлась не только выражением его внутреннего мира, но и отвечала требованиям времени. Во второй половине XVIII в. в Россию начали активно проникать различные западные учения (вольтерьянство, эпикурейство, квиетизм и др.), в большинстве своем выражавшие неправославные и вообще нехристианские взгляды. Ю. М. Лотман о «состоянии русских умов» этого периода писал: «…мы сталкиваемся с разнообразными, порой причудливыми, смесями

философского сенсуализма, деизма, традиционного православия, кощунства, мистицизма, скептицизма, бог ведает каким образом умещавшимися в головах русских людей XVIII в.» [3, с. 131]. «Не погрешить» словом, хранить чистоту веры становится особенно важным для православного писателя, православного пастыря в этот период.

Иосиф Галл более «свободен», «непосредственен» в этом смысле. Его выбор реалии земного мира в сравнении ощущается «неожиданным»: свежий пузырь, ежик, муха, «чистильщик каналов», «карла»…

Следует отметить, что из всего многообразия сравнений в «Сокровище духовном» (около 700) и «Внезапных размышлениях» (около 150) совпадений не более десятка. И эти совпадения могут быть объяснены общими корнями сравнений, уходящими к Священному Писанию, а также сходными бытовыми впечатлениями писателей.

Таким образом, материал сравнений показывает: однозначно утверждать, что «Сокровище духовное» Тихона Задонского имеет в качестве прототипа, первоначального образца, книгу Иосифа Галла, нельзя.

Выпускник Нижегородской духовной семинарии, Тихон Задонский хорошо знал латинский и греческий язык. Он мог быть знаком с латинской книгой Галла, однако никаких упоминаний имени епископа Оксфордского и его книги в литературном наследии святителя не обнаружено. Следует отметить, что и сам метод восхождения «от мирского к духовному» применялся уже некоторыми древними отцами церкви в подражание библейским образцам.

Даже если Тихон Задонский и читал сочинение Иосифа Галла, оно могло послужить лишь толчком к написанию замечательного нравственно-дидактического сочинения. Русская литература XVIII в. отличалась чрезвычайной творческой активностью восприятия европейской культуры. Однако зарубежные сочинения, вызывавшие интерес у русских писателей, светских и церковных, переосмысливались в соответствии с представлениями, уже сложившимися на основе национальных традиций.

Список литературы

1. *Галл Иосиф.* Внезапные размышления, произведенные вдруг при воззрении на какую-нибудь вещь / пер. с лат. М. : Тип. Комп. типогр., 1786. 185 с.

2. *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М. : Русский двор : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 416 с.

3. *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избр. статьи : в 3 т. Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн : Александра, 1992. С. 127–137.

4. *Тихон Задонский, свт.* Творения. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 5-е. М. : Синод. тип., 1889).

5. *Тихон Задонский, свт.* Собр. творений : в 5 т. Т. 3. М. : Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008. (Святоотеческое наследие).

Л. Н. Житкова (Екатеринбург)

Мотив судьбы в творчестве А. С. Пушкина

Судьба, – поясняет В. И. Даль в своем «Словаре», – означает «участь, жребий, долю, рок, часть, счастье, предопределение, не минучее в быту земном, пути провидения» [2, с. 356]. Данное определение охватывает широкий спектр значений, которые в каждом частном случае нуждаются в уточнении. Пушкин также вкладывал разные смыслы в понятие *судьбы*, выступающее достаточно частотным мотивом в его текстах.

Предлагаемый материал не претендует на исчерпывающее исследование мотива судьбы в творчестве поэта. Интересен, в данном случае, тот его аспект, который проявился в произведениях Пушкина второй Болдинской осени (октябрь 1833 г.) – тогда были написаны «Медный всадник», «Пиковая дама», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др.

Эти произведения – очень разные и по жанру, и по проблематике – обнаруживают, однако, концептуальную связь на мотивно-тематическом уровне и уровне системы персонажей, а именно – в отношении мотива судьбы и образов главных героев. Герои названных выше повести, поэмы и сказки сходны в том, что все трое принадлежат к низовым социальным средам («ничтожные герои», по слову Пушкина) и по сюжету оказываются в пограничной ситуации ожидания кардинальных перемен тех жизненных обстоятельств, каковые даны им самой природой вещей. Такой сюжет дает основание трактовать *судьбу* как «встречу» героев с обстоятельствами и понимание ими этих обстоятельств, существующих и меняющихся, также и выбор принципа поведения в этих обстоятельствах.

© Житкова Л. Н., 2017